

18+

АЛЕКСАНДРА АХИИЯ

Хранитель Жемчужины

Александра Ахия Хранитель Жемчужины

<https://litres.ru/74374547>

ISBN 9785007101523

Аннотация

Мир седеет, и сестра стражника Яра гаснет вместе с ним. Единственный путь — к дракону, хранящему свет угасших звёзд. Но Жемчужину не берут — ей доказывают: семь живых сказок, где каждый выбор — навсегда. Взрослая сказка о смелости, которая обнимает страх, и силе, которая есть ответственность.

Содержание

ХРАНИТЕЛЬ ЖЕМЧУЖИНЫ	5
ПРОЛОГ. Ночь, когда небо раскололось	5
Глава 1. Серая хворь	9
Глава 2. Пещера Забытых Слов	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Хранитель Жемчужины

Александра Ахия

© Александра Ахия, 2026

ISBN 978-5-0071-0152-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ХРАНИТЕЛЬ ЖЕМЧУЖИНЫ

Семь сказок стражника Яра

ПРОЛОГ. Ночь, когда небо раскололось

«Свету полагалось быть всегда».

В те времена мир ещё был юным. Магия текла в реках, дышала в ветрах, проступала в росе на краю листа и в тёплом боке свежего хлеба; люди называли её тысячей имён и не называли никак — просто жили ею, как живут воздухом. Небо тогда стояло густое от звёзд, как осенний сад от яблок, и никому не приходило в голову, что свет может кончиться. Свету полагалось быть всегда.

На неприступных вершинах Седых пиков жил Мирион, чёрный, как безлунная ночь, с гривой, похожей на дым костра. Он не был ни злобным, ни кровожадным — напротив, он был мудрейшим из крылатых созданий, хранителем древних знаний и тайн мироздания. Злым его называли лишь те, кому он не отворил дверь, — так люди мстят горам за то, что те высоки.

Однажды в ночь великого звёздного дождя небо раскололось, как лёд на весенней реке. Звёзды срывались со своих мест и падали в снега, и снега не таяли, а пели — тихо, как поют остывающие угли. Люди заперли двери и ставни. Один лишь Мирион вышел навстречу падающему свету.

Он собирал звёзды бережно, как собирают росу с травы: крылом, когтем, дыханием. Семь дней и семь ночей он плавил их в своём огненном дыхании, и огонь его был не жгучим, а тёплым, как слово «дом». На восьмое утро в его лапе остывал шар величиной с голубиное яйцо — Жемчужина Вечности. Внутри неё дышал свет всех павших звёзд; а если поднести её к уху, можно было услышать, как звёзды тихо переговариваются, будто дети в соседней комнате.

То было великое дело. И оно же стало первой бедой.

Небо, отдав звёзды, поблекло первым. Потом мир начал сесть — медленно, как седеют люди, и так же незаметно для себя. Сначала поблёкли рассветы: розовое стало пепельным. Потом трава перестала быть вчерашней зелёной. Магия, что текла в реках, обмелела, как вода из треснувшей чаши, и ветры дышали уже не в полную грудь. Взрослые объясняли это усталостью, неурожаем, чем угодно, — ведь взрослым всегда нужно объяснение. Только дети спрашивали, почему закат

больше не розовый, и только художники тайком плакали над красками, которые вдруг стали лгать.

Мирион понял, что натворил, не сразу. Мудрость тем и отличается от ума, что приходит позже. Он собрал свет, который принадлежал не ему, — собрал, чтобы сохранить, и сохранил так, что мир остался без него. Вернуть Жемчужину небу было нельзя: выкованного не расковать, а рассыпанный вмиг свет прошёл бы по миру пожаром, а не дождём. Отдать её первому, кто протянет руку, — значит отдать и тому, кто протянет её за чужим горлом.

И тогда дракон сделал единственное, что мог: он решил доверять. Не силе, не уму, не жажде — сердцу. Он разделил тайну обретения на семь сказок-загадок, и каждая была не замком, а ключом, не стеной, а дверью. Сказка — это зеркало, говорил он позже. В ней нельзя солгать, потому что в сказке ты и есть та правда, которую пытаешься спрятать.

Правила его были просты и жестоки, как правда. Меч и магия у порога бессильны. Лжи Жемчужина не терпит, и обманщика наказывает сама. Кто не готов к следующей сказке — ждёт полнолуния. Кто сдался или пал — забывает всё, что узнал, и должен начать путь заново, если начнёт.

И они пришли. Пришли воины, которым меч был вместо

совести, и маги, которым магия была вместо души; короли в плащах паломников и паломники с лицами королей. Гора принимала у всех одно и то же: у порога логова и поныне торчат из камня клинки — сотни клинков, вбитых в скалу руками, которые в последний свой час поняли, что здесь меч бессилен. Иные сходили с горы сами, но уже не теми: они забывали всё — дорогу, дракона, даже имя своего желания. Они сидели у подножия и напевали под нос мелодии, которых не могли объяснить, и дети приносили им хлеб, а взрослые обходили их стороной, потому что в каждом безумце узнавали собственную несбывшуюся дорогу.

С тех пор минуло столько лет, что даже горы сбились со счёта. Мир сидеть не перестал. И по сей день в лунные ночи над Седыми пиками слышен отдалённый рёв дракона — это Мирион напоминает миру, что истинная сила кроется не в сокровищах, а в чистоте сердца и мудрости души. Люди слышат этот рёв и называют его ветром.

А в тот год, когда началась эта история, серая хворь впервые переступила порог дома одного молодого стражника — и ветер тут был ни при чём.

Глава 1. Серая хворь

«Те, кого кормят сказками, держатся дольше».

Яр вернулся со службы затемно и первым делом посмотрел на сестрину тень.

Тень лежала на стене подле печки, бледная, как отблеск в тумане, — вчера она ещё была темней. Яр ничего не сказал. Снял перевязь, поставил копьё в угол, умылся. Но за ужином то и дело ловил себя на том, что смотрит не на сестру, а на стену позади неё.

— Яр, — сказала Светлана, не поднимая головы от рисунка, — а правда, что небо было синее?

— Правда.

— А какое это — синее?

Он задумался. Слово он помнил, а цвета — нет: синий ушёл из мира раньше, чем Яр родился.

— Как вода в ключе, если смотреть в полдень, — сказал он наконец. — Как лёд на просвет. Как... — он поискал срав-

нение и не нашёл. — Не объяснишь. Увидишь — узнаешь.

Светлана кивнула серьёзно, как кивают дети, когда им отвечают всерьёз, и снова склонилась над листом. Она рисовала закат: серыми штрихами по серой бумаге. Из всех красок, что остались в городе, ей удавались только серые, но закат у неё всё равно выходил красивый — такой, каким Яр видел его по дороге со службы: цвета пепла, цвета дыма, цвета старого серебра.

Утром пришёл лекарь Осип. Осмотрел Светлану и велел дышать глубоко, послушал грудь, потом долго стоял у окна, и Яр по его спине понял то, чего Осип не сказал вслух.

— Тень? — спросил Яр, когда они вышли в сени.

— Светлее. На полпальца за неделю.

Яр кивнул. Об этом не говорили вслух, но в Ключеве все знали: у кого тень гаснет, тот сидит изнутри. Хворь пришла с дальних земель и называлась серой. Осип читал о ней в старом травнике, где страницы тоже выцвели, будто болели тем же.

— Сколько? — спросил Яр.

— Если тень будет уходить так — до полнолуния после следующего. Может, чуть больше. — Осип помолчал. — Держи её у тепла и у света. И рассказывай ей. Те, кого кормят сказками, держатся дольше. Я не знаю, отчего так, но в травнике написано именно это.

— Отчего она, Осип? Скажи по-простому.

Лекарь посмотрел на него долго, как смотрят на человека, которому решили сказать правду.

— Оттого же, отчего седые волки выходят из лесов и краски врут. Мир сед, Яр. Это не она болеет. Это мир болеет в ней. Дети отпускают свет первыми — они к нему ближе.

На площади, у пересохшего ключа, жил сказочник. В Ключеве его звали Седым, хотя седым он был не больше других в этом городе. Никто не помнил, когда он появился, а сам он не помнил себя: ни имени, ни рода, ни лица своего не помнил. Зато помнил все сказки мира. Он забывал всё, что было с ним самим, и помнил всё, что было с миром. Потому площадь и не пустовала: люди приходили к нему, как к колодцу, — каждый со своей жаждой.

Яр пришёл в сумерки. Седой сидел на камне, и дети вокруг него притихли. Старик поднял глаза — выцветшие, как

небо над городом, — и кивнул, будто Яр был единственным, кого он ждал.

— Слушайте, — сказал Седой, и площадь затихла. — В ту ночь, когда небо треснуло, как лёд на реке, звёзды посыпались в снега, и снега пели. Дракон, значит, собрал их и сплавил в жемчужину, и в жемчужине той — весь свет. А мир наш с той поры сесть стал, как седем мы с вами. И лежит жемчужина у дракона под когтем, и ждёт она не сильного, не умного — достойного. Семь сказок тому на пути, и в каждой сказке он не слушатель, а житель: войдёт в неё, как в воду, и что выберет — то и его. Меч там бессилён, и колдовство бессильно. Соврал — жемчужина сама накажет. Не готов — жди полнолуния. Пал — забудь всё и ступай сначала. А напоследок дракон спросит одно-единственное: «Зачем тебе жемчужина?» — и горе тому, кто соврёт, и горе тому, кто скажет правду, да не всю.

Дети вздохнули и стали расходиться: сказка кончилась, а детям пора домой. Яр не двинулся с места.

— Ты за сказкой не пришёл, стражник, — сказал Седой.
— Ты пришёл за дорогой.

— Мне нужна сестра, — сказал Яр. — Не сказка.

— Одно без другого не даётся, — старик почесал седую бровь. — Начало всех сказок лежит в Пещере Забытых Слов, за старым карьером, под горой. Найдёшь начало — дорога откроется. Не найдёшь — будешь ходить вокруг горы до старости, как другие ходили. А до полнолуния шесть ночей. Успеешь к полной луне до порога — дорога тебя примет. Опоздаешь — жди ещё месяц, а сестра твоя ждать не будет. Первая луна — порог, вторая — сестра. Не перепутай.

Яр молчал. Он не верил сказкам. Он верил копьё, камню и волчьим следам на снегу. Но старик сказал про сестру то, чего не мог знать никто.

И тут Седой запел вполголоса. Колыбельную. Ту самую, что мать пела Светлане в последнюю свою зиму, — с оборванным третьим стихом, которого не знал никто в городе.

— Откуда у тебя эта песня? — Яр услышал свой голос как со стороны.

— Не помню, — старик пожал плечами. — Сама пришла. Ко мне всё само приходит, а я своё — всё растерял.

Дома Яр долго сидел у стены, где на двух крючьях висел отцовский меч.

Отец ушёл, когда Яру было пять. Ушёл в горы, как уходили до него многие, — и не вернулся. Через год на пороге их дома нашли меч, завернутый в серый холст. Мать внесла его в дом, ни о чём не расспрашивая, и запретила Яру говорить о нём с чужими. После её смерти Яр сам наточил клинок и повесил его на крючья — не для драк, а чтобы помнил: отец ушёл не от них. Отец ушёл за тем, чего не хватило им всем. За чем — мать так и не сказала.

Он был стражником и привык верить тому, что можно потрогать. Меч можно было потрогать. Горы можно было потрогать. Седых волков — тоже. Сказку потрогать было нельзя. Но если сказка врёт, он просто дойдёт до гор и вернётся ни с чем, потеряв шесть ночей. А если сказка не врёт и он не пойдёт — он потеряет Светлану. Арифметика была простая, как караульная ведомость.

Он снял меч с крючьев и завернул в холст. Наперекор слову старика — по привычке, как берут зонтик в пасмурный день: на дороге водились и волки, и лихие люди, и стражник без стали — не стражник.

Соседка Марфа пришла на закате. Яр отдал ей жалованье за три месяца и зимний тулуп.

— Ты ей не отец, чтоб так убиваться, — сказала Марфа,

устраиваясь у печки. — Ты ей брат.

— Она моя сестра, — сказал Яр. — Это больше, чем отец.

Марфа ничего не ответила, только перекрестила его на пороге — старо, широко, как крестят на дальнюю дорогу.

На воротах стоял старый Тимофей.

— В горы, значит, — сказал он, глядя не на Яра, а на свёрток за его спиной.

— В горы.

— Ну. — Тимофей поворошил усы. — Гора не любит, кто ей врёт. Помни это. И ещё: она забирает то, с чем идти нельзя. Отдай сам — легче будет. Так говаривали старые люди.

— Я не вру, Тимофей.

— Все так говорят, паря. Все.

За городом начиналась дорога, и Яр пошёл по ней, не оглядываясь. Он не знал ещё, что дорога уже присматривается к нему, как присматривается к путнику гора. А меч за спиной, завёрнутый в серый холст, был тёплый, будто тоже

узнал путь.

Глава 2. Пещера Забытых Слов

«Пещера не показывалась глазам. Она показывалась ушам».

К старому карьеру Яр вышел на второй день пути.

Камень здесь брали ещё деды дедов; теперь карьер стоял мёртвый — ржавая бадья на ржавой цепи качалась от ветра, и в рыжей воде на дне никто не отражался. Яр обошёл уступы, заглянул в три штольни и в старый лисий лаз. Ничего. Пещеры, о которой говорил Седой, не было.

Смеркалось. Он сел на камень, спиной к холодному валу, и стал ждать — сам не знал чего. Где-то внизу, в овраге, хрустнула ветка: седые волки. Яр не стал ждать гостей: вынул меч, и когда двое серых, без единого чёрного волоса, с глазами как выцветшее стекло, вышли из сумерек, — сталь сделала своё привычное дело. Волки ушли, один — волоча бок. Здесь, в обычном мире, меч ещё работал. Яр вытер клинок и сунул в ножны, и в наступившей тишине услышал голоса.

Сначала он решил, что это ветер в штольнях. Потом — что вода. Потом — что это слова.

Они шептались тихо, как листва, — сотни, тысячи слов. Пещера Забытых Слов не показывалась глазам. Она показывалась ушам. Яр встал и пошёл на шёпот. За осыпью — там, где днём он прошёл дважды и не заметил, — открылась щель, в которую не вошла бы и собака. Он выдохнул, повернулся боком — и камень пропустил его, как лёд пропускает лодку.

Внутри было сумеречно, как под веками. Слова висели в воздухе, как пыль в лучине, — бледные, полупрозрачные. Яр шёл между ними и невольно ловил обрывки: старинное слово, означавшее свет на воде перед восходом; имя реки, пересохшей триста лет назад; извинение, которого сын не сказал отцу; признание, умершее в горле на самом пороге. Пещера хранила не только старые слова. Она хранила несказанные.

Посреди пещеры, на плоском камне, лежал свиток. Серый, пустой, как глаз слепца.

Когда Яр подошёл, шёпот со всех сторон собрался в один голос — не громкий, но такой, что слышался костями:

— Начало всех сказок — тому, кто назовёт, чего ищет на самом деле. Всякая правда откроет строку. Всякая ложь закроет свиток навеки.

Яр сглотнул. Он всю жизнь отвечал на вопросы караульной службы: кто, откуда, зачем. Но такого вопроса ему ещё не задавали.

— Я ищу Жемчужину Вечности, — сказал он, — чтобы спасти сестру.

На свитке проступила строка — как проступает весной тропа в тающем снегу. Но свиток ждал. Это была правда. Не вся.

Он постоял, глядя в серую пустоту пергамента, и сказал то, в чём не признавался даже себе:

— И ещё я иду, потому что злюсь. На хворь. На лекарей. На дракона, если он есть. Я хочу спросить с того, кто это устроил, — спросить так, как спрашивают с мечом в руке.

Строки прибавились. Свиток ждал.

— И ещё... — Яр услышал, как голос его сел, как садится голос у постели больного. — И ещё я иду за отцом. Он ушёл в эти горы и не вернулся. Я хочу понять, за чем он ушёл и почему оставил нас. И если он там — я хочу посмотреть ему в глаза.

Свиток наполнился до конца. Буквы встали ровно, как солдаты, и Яр прочёл:

«Первая сказка — о мудрости. Она ждёт у порога логова, и войдёшь ты в неё, как входят в воду. Помни: в сказке ты — та правда, которую прячешь. И помни: с мечом в сказку не входят».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.